

ШУТЫ, ТРИКСТЕРЫ, ДВОЙНИКИ И ИГРОВАЯ КУЛЬТУРА В ТВОРЧЕСТВЕ СИЛЬВИИ ПЛАТ

Екатерина БАРИНОВА

Национальный исследовательский университет
“Высшая школа экономики”

У своїй творчості Сильвія Плат неодноразово звертається до міфологічних і казкових образів. Персонажі, пов'язані з низовою, народною культурою, нечисленні і виникають переважно у ранній творчості поетеси. Але навіть Джокер чи таке явище ігрової культури, як цирк, отримують у Плат міфологічні асоціації, перетворюючись на своєрідну алегорію життя. За допомогою сміху і ігрових образів поетеса намагається подолати екзистенціальний страх смерті, перетворюючи останню в гротескний жарт. Двійники і трикстери в поезії Сильвії Плат часто мають біографічне підґрунтя, відображаючи амбівалентність і складне внутрішнє життя самої поетеси, а також її взаємини з іншими людьми, часто затьмарені зрадою і розчаруваннями.

Ключові слова: джокер, трикстер, амбівалентність, сміх, цирк, гра.

В своем творчестве Сильвия Плат многократно обращается к мифологическим и сказочным образам. Персонажи, связанные с низовой, народной культурой, не столь многочисленны и возникают преимущественно в раннем творчестве поэтессы. Но даже Джокер или такое явление игровой культуры, как цирк, обретают у Плат мифологические ассоциации, превращаясь в своеобразную аллегорію жизни. Через смех и игровые образы поэтесса пытается преодолеть экзистенциальный страх смерти, превращая последнюю в гротескную шутку. Двойники и трикстеры в поэзии Сильвии Плат часто имеют автобиографическую подоплеку, отражая амбивалентность и сложную внутреннюю жизнь самой поэтессы, а также ее взаимоотношения с другими людьми, часто омраченные предательством и обманутыми ожиданиями.

Ключевые слова: джокер, трикстер, амбивалентность, смех, цирк, игра.

In her work Plath repeatedly uses mythological images and those from different fairy-tales. Characters associated with profane, folk culture, are not numerous and occur mostly in the early works of the poet. But even the Joker or such cultural phenomenon as the circus, obtain mythological associations in Plath's interpretation,

turning into a kind of allegory of life. Through laughter and games the poet is trying to overcome the existential fear of death, turning the latter into a grotesque joke. Twins and tricksters in the poetry of Sylvia Plath often have autobiographical overtones, reflecting the ambivalence and the complex inner life of the poet, as well as her relationships with other people, often overshadowed by betrayal and unfulfilled expectations.

Key words: Joker, trickster, ambivalence, laughter, circus, game.

Сильвия Плат, американская писательница и поэтесса, жена английского поэта Теда Хьюза, прожила короткую, но чрезвычайно плодотворную жизнь, насыщенную как событийно, так и эмоционально и интеллектуально. Будучи перфекционисткой и стремясь во всем быть первой (здесь стремление Сильвии быть лучшей тесно переплетается с ожиданиями матери, всегда стремившейся вырастить из детей гениев, что не лучшим образом отразилось на ее взаимоотношениях с дочерью), Сильвия Плат всегда много читала. Ее эрудиция поражает. Особый интерес, помимо произведений Шекспира, у Плат вызывали самые разнообразные мифы и легенды, образами из которых перенасыщены как стихи, так и прозаические произведения писательницы. Что касается низовой, народной, игровой культуры – она встречается в произведениях Плат гораздо реже, возможно, из-за некоторого интеллектуального снобизма писательницы. Однако на протяжении всей жизни она с вниманием и интересом относилась к сказкам. В частности, в стихах Плат встречаются многочисленные аллюзии на сказку братьев Гримм “Белоснежка” (см. стихотворение “Зеркало”). Среди книг, вызывавших особый интерес поэтессы, было собрание сказок народов Африки “African Folktales”. Однако на этом интерес к народному быту и культуре, можно сказать, заканчивается. В мировоззрении и мироощущении Плат, терзаемой вопросами самоидентификации и места женщины в мире, где доминируют мужчины, не было места ни карнавалам, ни варьете, ни шутам и скоморохам. Шутов и фокусников в произведениях Сильвии Плат буквально можно пересчитать по пальцам.

В статье речь пойдет, в частности, о ранних стихотворениях Сильвии Плат, *Dirge for a Joker* (“Панихида по Джокеру”), *A Sorcerer Bids Farewell to Seem* и *Circus on Three Rings* (“Цирк на трех аренах”), относящихся к раннему периоду творчества поэтессы до 1956 года. Стоит отметить, что

ранние стихи Плат, а отличие от ее позднего сборника “Ариэль”, часто обходятся стороной не только в отечественном, но и в зарубежной литературоведении. Более того, те оценки, которые все-таки появлялись в тех или иных отзывах и статьях, были преимущественно отрицательными [5, р. 76]. Возможно, поэтический голос Сильвии Плат в ранних стихотворениях еще не обрел полную силу, однако многие из этих произведений отличаются яркой образностью и оригинальностью, и рассматриваемые стихотворения, несомненно, заслуживают более пристального внимания исследователей, так как в них уже чувствуется талант и энергетика, столь полно раскрывшиеся в позднем творчестве Плат.

Один из персонажей, уходящих корнями в народную игровую культуру, к которому обращается в своей поэзии Плат, – Джокер. Известно увлечение поэтессы картами Таро. Возможно, именно с карт начался ее интерес к этому крайне сложному и противоречивому персонажу. Что такое “Джокер”, если речь идет о картах? Это карта, которая может заменить собой любую другую. Таким образом, карточный Джокер – типичный трикстер, мастер перевоплощений, персонаж, могущий в любой момент сменить личину и стать кем-то другим. Джокер – персонаж сложный и глубокий, по сути он связывает два мира – повседневный, обычный, в котором большую часть времени живет большинство из нас, и потустороннюю реальность. Он имеет мощное интуитивное начало, которое направляет его шаги. В картах Таро это символ, предупреждающий о чем-то совершенно новом, готовом стремительно ворваться в вашу жизнь и перевернуть в ней все вверх дном и начать новый цикл жизни.

Джокер не знает ни добра, ни зла, он амбивалентен. Это знак изменений, трансформации и перевоплощений. Примечательна и сама внешность Джокера – шута в колпаке и шутовских башмаках. Корни образа уходят глубоко в карнавальную народную культуру. К идее Джокера часто обращались средневековые алхимики и маги, а уже в 20 веке Джокер превращается в один из ярких архетипических образов. Основной, базовый смысл архетипа “Джокер” заключается в получении опыта через Игру, причем опыта радостного, открытого, честного и искреннего, исходящего из глубинной мудрости и Ясности Сознания (сегодня образ Джокера в массовой культуре часто воспринимается как негативный после выхода на экраны комиксов про Бэтмена “Темный рыцарь”. В этом фильме Джокер – олицетворение зла и заклятый враг главно-

го героя. Такой образ можно тоже рассматривать, но уже с позиции “перевернутого” Джокера. Однако Сильвия Плат находилась под влиянием совершенно иного образа, еще не искаженного более поздними интерпретациями).

Впервые в поэзии Плат (по крайней мере в опубликованных стихотворениях) образ Джокера возникает в стихотворении *Dirge for a Joker*. Стихотворение это относится к раннему периоду творчества поэтессы, предшествовавшему ее встрече с Тедом Хьюзом. Сам Тед Хьюз относился с некоторым пренебрежением к поэзии, созданной Плат до встречи с ним и, соответственно, до проникновения его влияния в ее творчество. Все стихотворения, написанные до 1956 года, он считал незрелыми и ученическими, а во время работы над сборником стихов Плат *Collected Poems* он собрал их в отдельный раздел *Juvenilia* и поместил в конце книги. Интересно, что в русском переводе сборника, выполненном Василием Бетаки и вышедшем в свет в 2008 году в серии “Литературные памятники” Российской академии наук, стихотворение это вообще отсутствует.

Название стихотворение можно перевести как “Панихида по Джокеру”. Возможно, в тексте стихотворения еще не проявилась отточенная техника, присущая стихотворениям Плат более позднего периода, однако уже прослеживается традиционная для поэтессы и несколько мрачная образность, интерес к философским темам, попытка проникнуть в тайный смысл жизни и смерти. В жизни серьезное соседствует с комическим, а сама жизнь предстает неким монументальным обманом, фальшью, мошенничеством, “<...>That life was a mere monumental sham”, сопровождающими человека “From the comic accident of birth//To the final grotesque joke of death <...>” [7, p. 302-303].

Рождение представляется в стихотворении некой комической случайностью, смерть – гротескной шуткой. Джокер здесь – сама жизнь, трикстер, пришедший к каждому из живущих и сыгравший с ним шутку. Именно он заставляет людей закашляться во время поцелуя или засмеяться во время церковной службы, однако после смерти Джокер-жизнь понесет заслуженное наказание и будет вынужден терпеть “юмор червя”: “Now you must play the straight man for a term//And tolerate the humor of the worm” [7, p. 303]. Таким образом, игровое начало Джокера в стихотворении Сильвии Плат тесно переплетается с коварством и без-

жалостностью. Такова и сама жизнь – коварна и безжалостна, и единственный выход из нее – “гротескная шутка смерти”. Здесь возникает отсылка к народной смеховой традиции и карнавализации жизни. Возможно, через подобное снижение Плат пытается преодолеть экзистенциальный страх перед жизнью и неизбежной смертью.

Смех и смеховая культура привлекают внимание мыслителей, философов и ученых на протяжении тысячелетий. Так, Н.А. Бердяев в смехе видел освобождающее начало, возвышающее над властью обиденного. В работе “Проблемы поэтики Достоевского” М. Бахтин проводит параллель между смехом и свободой, подчеркивая их тесную взаимосвязь. *“Смех возможен при свободе душевной деятельности или ведет к ней”* [1, с. 260]. Свобода смеха проявляется также в том, что он помогает человечеству преодолевать некоторые его “несвободные” состояния, как, например, страх и стыд, а также крайнее состояние несвободы – смерть и страх перед смертью, что, по сути, и происходит в стихотворении “Панихида по Джокеру”. Еще Аристотель в своих трудах писал, что “шутка есть ослабление напряжения”, а римский оратор Квинтилиан назвал шутку *“средством умственной разрядки, снятия напряженности”* [3, с. 38]. Однако у Плат образ, связанный с шуткой и смеховым началом, усложняется тем, что сам Джокер в стихотворении погибает и сталкивается с юмором могильных червей. Стихотворение в какой-то мере становится панихидой по самому смеху, отрицая, таким образом, саму возможность освобождения через смех. Подобная безысходность характерна для многих стихотворений Сильвии Плат и тесно связана с особенностями ее мировосприятия и биографией писательницы, во многом это мировоззрение обусловившей.

Джокер/шут – не единственный обманчивый, амбивалентный образ поэзии Плат. Ее стихи изобилуют двойниками, отражениями, перевертышами, образами, которые в результате оказываются не тем, чем они кажутся в начале.

С самого детства Сильвия Плат сталкивается со своеобразными гендерными “перевертышами” – брат и отец, представляющие мужское начало в семье, оказываются слабыми, “подводят”, тогда как необходимость быть сильными и преодолевать все невзгоды ложится на плечи Сильвии и ее матери. При этом, осознавая все их несовершенство, поэтесса постоянно отождествляет себя как с братом, так и с отцом, нахо-

дя в этом самобичевании своеобразное эстетическое удовлетворение, нашедшее отражение в стихах.

Еще один двойник – муж Сильвии Плат, английский поэт Тед Хьюз, на которого Плат часто переносила свое отношение к отцу, отцу, перед которым преклонялась и которого ненавидела, как собственное отражение. Именно “двойник”, существовавший в лице Хьюза, чаще других проникает на страницы сборника “Ариэль”, многие стихи которого вдохновлены чувствами, болью, вызванными разрывом с супругом. Его измену Плат восприняла как предательство, как в детстве сочла предательством смерть отца.

Неизбежно, эти и многие другие моменты биографии Плат повлияли на ее произведения и восприятие чужого творчества. Двойники влекли и завораживали ее еще в ученические годы. Во время обучения в Смит колледже Сильвия Плат писала эссе, посвященные дуализму в творчестве Томаса Манна и Фридриха Ницше. За дипломное эссе “Волшебное зеркало: двойники в романах Достоевского” (“The Magic Mirror: A Study of the Double in Two of Dostoevski’s Novels”) Плат получает стипендию Фулбрайта на обучение в Кембридже, Великобритания, где она и знакомится со своим будущим мужем. В дипломной работе “Волшебное зеркало” Плат обращается к двум произведениям Ф.М. Достоевского – повести “Двойник” и роману “Братья Карамазовы”, где в центре ее внимания оказывается Иван Карамазов и связанная с ним тема двойничества. Г. Ламейер предполагает, что, возможно, именно *“образ незаконно рожденного брата-двойника (Смердякова) лег в основу поразительного финального образа в...поэме Daddy”* [6, p. 144].

Часто Сильвии Плат казалось, что в ней самой живет кто-то еще, ее двойник. Самым ранним “двойником” Плат стала Алиса, героиня романов Льюиса Кэрролла, с которой в творчество поэтессы вновь проникает игровое начало. В более зрелом возрасте Плат упоминает об этом ощущении в стихах, письмах, в дневниковых записях. Так, в записи, сделанной в августе 1951 года, Сильвия вспоминает эпизод в доме, где она подрабатывала, присматривая за детьми. После того, как гости покинули гостиную, она и еще одна девушка, помогавшая по дому, *“сидя за огромным белым столом, уставленным грязными тарелками из-под десерта, <...> вычерпывая на чистые тарелки тающее ванильное мороженое, мы притворились Алисой и Белым Кроликом на чаепи-*

ми у Шляпника” [8, p. 84]. В лирике Плат образ Алисы возникает в одном из ранних стихотворений под названием *A Sorcerer Bids Farewell to Seem*, которое Тед Хьюз, работая над созданием полного собрания стихотворений Плат *Collected Poems*, отнес к незрелым, ученическим и, как и в случае со стихотворением “Панихида по Джокеру”, поместил в раздел *Juvenilia*. Волшебный и одновременно безумный мир, мир нон-сенсов и перевертышей, созданный Кэрроллом, возникает уже в первых строках стихотворения: “Я покончила с громадой зеркального отеля, // где прилагательные играют в крикет с фламинго-существительными; // полагаю, я отлучусь на время, // сбегу от риторики этих королей в стиле рококо. // Деталь: испортить мишуру королевского реквизита // И распродать с аукциона всех редких белых кроликов – глаголы; // Отправить мою музу Алису наковатъ вещи, яркие лоскуты // сравнений-грибов и нарядов грифона <...>” [7; p. 324] (перевод мой – Е.Б.).

В стихотворении возникает еще один образ, важный для творчества Плат – образ слова. Мир Алисы – это одновременно и мир творчества, мир слов, прилагательных, глаголов, существительных, сравнений. Известно, что Плат чрезвычайно серьезно относилась к словам и никогда не садилась за работу без словаря. Саму Алису Плат называет своей музой. Таким образом, в стихотворении С. Плат как бы разводит свою повседневную личность и творческое начало, воплотившееся в Алисе. Происходит раздвоение лирической героини.

Еще один образ, воплощающий народные верования и древнюю мифологию в творчестве Плат – Фавн, появляющийся в одноименном стихотворении 1956 года. Фавн в стихотворении – оборотень, перевертыш. Его природа, как и природа человека вообще, обманчива. В первой строфе стихотворения перед нами предстает антропоморфный образ: “*Hunched like a faun, he hooded // From grove of moon-glint and fen-frost // Until all owls in the twigged forest // Flapped black to look and brood // On the call this man made <...>*” [7, p. 35]. Но к концу стихотворения метаморфоза завершается, появляются козы рога и копыта, и в своем новом обличье Фавн скрывается в лесной чаще: “*An arena of yellow eyes // Watched the changing shape he cut, // Saw hoof harden from foot, saw sprout // Goat-horns. Marked how god rose // And galloped woodward in that guise*” [7, p. 35]. В этом произведении вновь прослеживаются автобиографические моменты, зыбкость и недоверие к людям, страх перед

обманом и предательством. При этом Фавн в стихотворении не наделен достаточным активным началом, чтобы приобрести черты Трикстера, он не провокатор, появление его, возможно, угрожает существующему миропорядку и может привнести в него определенный хаос, но ни одна из этих потенций не реализуется в стихотворении. Более того, если рассматривать основные приметы Трикстера, выделяемые, в частности, Д.А. Гавриловым, оказывается, что *“Трикстер появляется для нарушения сложившихся устоев и традиций, он привносит элемент хаоса в существующий порядок, способствует деидеализации, превращению мира идеального в реальный”* [2, с. 360]. Перед нами же, напротив, разрушение реальности, ее переосмысление и обращение к мифу.

Любопытно, что образы, связанные со зрелищами и игровой народной культурой чаще встречаются именно в ранних стихотворениях Плат, позже сменяясь образами мифологическими или литературными. Но даже такое явление игровой культуры, как цирк обретает у поэтессы мифологические ассоциации, превращаясь (как и в случае с Джокером) в своеобразную аллегорию жизни. В стихотворении *Circus on Three Rings*, также вошедшем в раздел *Juvenilia*, Сильвия Плат по сути перефразирует шекспировскую формулу *“Весь мир – театр” (As You Like It)* и проводит параллель между жизнью, нашим миром и цирковыми аренами: *“In the circus tent of a hurricane// designed by a drunken god// my extravagant heart blows up again// in a rampage of champagne-colored rain// and the fragments whir like a weather vane// while the angels all applaud <...>”* [7, p. 321]. В самом начале стихотворения возникает чрезвычайно важный для Сильвии Плат мотив богоборчества. Только *“пьяный бог”* мог создать этот мир со всеми его страданиями и несправедливостью. Здесь в очередной раз возникает параллель с образом отца поэтессы, который был для нее Богом, которому она верила и перед которым преклонялась, но который обманул ее, покинул, сбежав в смерть. На протяжении всей жизни Плат продолжает обращаться к отцу, бросая ему вызов и ставя под сомнение его авторитет. Мотив обмана достигает кульминации в заключительной строфе стихотворения, где усмехающийся демон исчезает в дыму, разъедающем глаза лирической героини: *“Mocking as Mephistopheles,// eclipsed by magician’s disguise,// my demon of doom tilts on a trapeze,// winged rabbits revolving about his knees,// only to vanish with devilish ease// in a smoke that sears my eyes”* [7, p. 322].

Двойники, оборотни и трикстеры в поэзии Сильвии Плат осложняются поиском идентичности самой писательницы. Самый очевидный пример – неопределенность этнической идентичности, немецкие корни, наложившие глубокий отпечаток на мировосприятие Плат. Пытаясь разобраться с собственной идентичностью, поэтесса постоянно ищет двойников как в реальной жизни, так и в литературных произведениях. Пытаясь преодолеть страх перед жизнью и смертью, Сильвия Плат обращается к народным игровым образам, стремясь через смех и бурлеск снять мучившие ее вопросы и преодолеть напряжение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. 4-е издание. – М.: Советская Россия, 1979. – 320 с.
2. Гаврилов Д.А. К определению трикстера и его значимости в социокультурной реальности // Первая Всероссийская научная конференция «Философия и социальная динамика XXI века: проблемы и перспективы», 15 мая 2006 г. [материалы]. – Омск: СИБИТ, ИПЭК, СРШБ (колледж), 2006. – С. 359-368.
3. Мусийчук М.В. Генетические свойства юмора как эффективное средство преодоления кризисных состояний личности/ М.В. Мусийчук// Кризис как иррациональное явление: сб. материалов межвуз. научной конференции. – Магнитогорск, 2002. – Вып. 1. – С. 35-39.
4. Плат, Сильвия. Собрание стихотворений в редакции Теда Хьюза. Москва: Наука, 2008. – 410 с.
5. Axelrod, Steven, Dorsey Nan. The Drama of Creativity IN Sylvia Plath's Early Poems// Pacific Coast Philology, Vol. 32, No. 1. Penn State University Press, 1997. – pp. 76-86.
6. Lameyer G. The Double in Sylvia Plath's The Bell Jar // Sylvia Plath: The Woman and the Work. Ed. by E. Butcher. London: Peter Owen, 1979. Pp. 143–165.
7. Plath, Sylvia. Collected Poems. Ed. Ted Hughes. New York: Harper and Row, Publishers, 1981. – 351 p.
8. Plath S. The Journals (1950 – 1962). Ed. by Karen V. Kukil. London: Faber and Faber, 2000. – 732 p.